

18+

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

Введение в системный коммунитаризм

КНИГА 2

Александр Васильев

**Введение в системный
коммунитаризм. Книга 2**

«Издательские решения»

Васильев А.

Введение в системный коммунитаризм. Книга 2 / А. Васильев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694082-6

Книга 2 представляет читателям развитие результатов системных исследований, представленных в предыдущей книге. Для наиболее полного раскрытия темы системного коммунитаризма приведен обзор соответствующих актуальных исследований и публикаций российских ученых и сделаны общие выводы. Обе книги можно считать авторским посылом научно-философскому сообществу к «Году единения народов России», объявленному Президентом Российской Федерации.

ISBN 978-5-00-694082-6

© Васильев А.
© Издательские решения

Содержание

1. Введение в системное осознание коммунитаризма и сопутствующих процессов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Введение в системный коммунитаризм

Книга 2

Александр Васильев

© Александр Васильев, 2026

ISBN 978-5-0069-4082-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-4081-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Введение в системное осознание коммуитаризма и сопутствующих процессов

Данная глава (статья) продолжает тематику предыдущих статей автора, в частности акцентирует внимание на общесистемных законах и закономерностях живой природы, экологии, которые стали фундаментальной основой формирования, укрепления и прогрессивного развития начальных социальных формаций, обозначенных автором «антропосоциальными целостностями» (АСЦ, функциональными целостностями) [23, 1]. Соответственно, – с научных позиций, эту Основу можно обобщенно отражать термином *эволюционное Предписание* человеческому обществу (см. многие другие статьи автора, использующие данный термин). Это Предписание хорошо видится и понимается, с современных научно-системных позиций, посредством многих этнографических и прочих научных исследований древних социальных формаций, процессов их развития. В то же время история общественного развития показывает последующее внутреннее раздробление функционально целостных формаций, их «целевую дискретизацию» в связи со стремительным (в эволюционном масштабе) ростом и возникновением искусственных процессов обогащения ресурсами общего и индивидуального, обособленного развития возникающих «частноцелевых» АСЦ (см. всемирную историю «экономической» деятельности, «экономики»).

Кратко говоря, во всемирной истории общественного развития хорошо видны всеобщие процессы целевого единения индивидов (граждан), как по общим индивидуальным целям (через опыт более эффективной коллективной деятельности), так и по целям устанавливаемым лидерами-организаторами более крупных АСЦ различного социального характера. Соответственно широкому развитию с конца 20 века в западном научном мышлении социально-политических идей, обобщенных термином *коммуитаризм* (см. ниже), и слишком затянувшейся идеологически-целевой неопределенностью (эклектикой) в развитии РФ и многих других стран бывшего могущественного Союза (не говоря о многих известных проблемах) видится не только научно, но и политически необходимым приступить к широким и глубоким системным исследованиям *коммуитарных* процессов и *коммуитаризма* как всемирной научно-политической идеологии и научно-философского направления в общественном самопознании.

В одной из публикаций этимология термина *коммуитаризм* определена не от англ. community (община), а от лат. communita – единение и *communis*, от munus – обязанность (см. гл. 2). На взгляд автора, это наиболее точное этимологически обусловленное определение, отражающее общественную реальность с научных позиций от самих начал антропосоциогенеза. В этом плане надо сразу отметить, что рассматриваемое понятие отражает реальность не только на уровне этнографии и истории, но и на сущностном, системном уровне процессов, обобщаемых этим понятием. Соответственно этому целесообразно рассматривать и понятие *коммуитабельность* (индивида), – от *коммуникабельности*, или *коммутативность*, *коммуитарность*, – согласно *гуманитарным* процессам, – как характеристику индивидов и прочих составляющих коммуитарного сообщества. В плане терминологии надо рассмотреть и пару понятий: *социальность* и *социализм*. Первый термин как раз и может быть, научно обоснованно, заменен термином *коммуитарность* (*коммуитабельность*), – тем более, что *социальностью* принято обозначать, главным образом в зоологии, характеристику поведения высокоразвитых организмов, содействующую образованию определенных популяций, как естественных обществ. Современный исследователь коммуитарных процессов в России конца 19 в. И. А. Гордеева (см. гл. 2) использует термины «коммуитарное движение», «русские коммуитарии» и т.п.). Соответственно и *социализм*, исторически определенный главным образом идейно-политическим мышлением, с научных позиций надо заменить, –

по крайней мере, в научно-философском познании, термином *социально системный коммуитаризм* (применительно к бывшему социализму – начальный, идейно-политический).

Системный коммуитаризм можно обобщенно определить как совокупность процессов, образующих устойчивую целостность коммуницирующих субъектов (функциональных единиц), обладающую свойствами системы, то есть «целефункциональное» (системное) единение индивидов (граждан в социальной реальности), с тем или иным вербальным наименованием (община, коммуна, сообщество и пр.). Во всей истории человечества мы выделяем единения коллективистского типа, – нравственно- и морально-целевые, и отличаем от них *нормированные* единения (сообщества) – административно-политические, технологические (производственные) и прочие, в том числе принудительные («большевики» и религиозный мыслитель Н.А. Бердяев, – острый критик коллективизма, многие другие мыслители не делали этого, – по различным причинам).

Думается, при рассмотрении конкретных процессов организации АСЦ (см. выше) научно оправданным следует считать и термин *коммуитация* (см. выше), – согласно *гуманизации*, поскольку *коммуитация* – это организация *коммуны* (см. ниже), отражающий процессы установления и усиления коммуитарных оснований и свойств конкретного сообщества, процессы усиления коммуитарности. Системно прослеживая всю историю общественного развития можно выстроить и соответствующую типологию специализированных сообществ, начиная, соответственно объективной реальности, с образования и развития функционально высшего сообщества – «управляющего», «вождистского» типа («вождества») и далее – «государственного», государства как строго нормированного сообщества «служащих», – функционирующих по высшим целям государства. В этой типологии надо выделить, очевидно, кроме государственных, такие ветви: «нравственно-коллективные», «творческие» и «нормированные» целевые сообщества, и отличать коммуитарные от сообществ «массового» типа, временно «скрепленных» какой-либо общей идеей-целью (толпа, митинг, демонстрация и т.п.).

Рассматриваемые (специализированные) «коммуитарные» единения (от истоков социогенеза), сообщества существенно повышают эффективность целевой деятельности, – как показывает великий опыт, особенно при системной их организации (от малой группы до большой, а в современности и до интернациональной, глобальной организации). Общественное значение их определяется целями реальных сообществ, а они, как хорошо известно, могут быть и преступными, террористическими. Системно-исторический анализ развития коммуитаризма, – в кратко представленном подходе, во всем человечестве и особенно в новейшей истории СССР и новой России выливается в увлекательную и актуальную тему.

В западном идейно-политическом мышлении коммуитаризм возник и понимается как идеология, направленная на общественно целесообразное (рациональное) согласование традиционного либерализма с идеологией коллективизма и социализма, коммунизма. Однако, в современном российском научно-философском мышлении, на базе великого опыта единения народов на основе национальных религий и нравственных характеристик, и, главным образом, великого опыта СССР, стратегических задач современности видится необходимым определить *коммуитаризм* и связанные с ним понятия наиболее глубоко, то есть сущностно, системно. Для этого методологически продуктивным, адекватным следует считать эволюционно- и исторически-системный подход, то есть системно проследить образование самой общественной формации (общины) и происхождение, развитие сообществ в составе общества как высшего сообщества, проследить процессы специализации личностей и малых групп, специализированных сообществ во всей истории общественного развития.

Современный российский ведущий философ Г. Ю. Канарш приводит в своей статье об «органицизме» [48] следующее важное для рассматриваемой темы суждение:

«Прежде чем говорить о социальном органицизме, его идейных (теоретических) основаниях и значении для дня сегодняшнего, отметим один важный в методологическом отношении момент. Следует различать *органицизм* и *холизм*. Второй трактуется как учение о приоритете целого (в частности, социального целого) по отношению к части. Органицистские теории, как правило, являются холистскими, однако не всякий холизм тождественен органицизму. Взять, например, концепции современного коммуитаризма. Безусловно, коммуитаризм – теория, основывающаяся на холистском мировоззрении (Шапино, 2004: 224—231), согласно которому общество (сообщество) является первичным по отношению ко всякому индивидуальному существованию, и только благодаря сообществу индивидуальная жизнь приобретает смысл и ценность. Однако в то же самое время коммуитаризм, являясь скорее социоцентристской (не естественно-научной) теорией, лишен представления об обществе как своего рода *саморазвивающемся живом организме*, законы развития которого подобны законам функционирования живых систем.

Таким образом, органицизм – это прежде всего естественно-научный подход, естественно-научное (т. е. фиксирующее сходное в *наиболее существенных чертах* с природным) понимание социальных процессов».

Рассмотрим далее термин и понятие коммуитаризма и исторически сопутствующие понятия более полно, с системных позиций. В этом плане надо исследовать, прежде всего, российскую историю использования их в социально-философском мышлении. Как отмечает, Г. Г. Пирогов (см. книгу 1) в разделе «Русская философская мысль о коллективизме»:

«При общем отрицательном отношении к коммунизму и к советскому государству Николай Бердяев не стоял на позициях западного либерализма. На его отношение к интересующему нас вопросу, пожалуй, наибольший свет может пролить следующий пассаж:

«В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм и в этом его правота (курсив мой – Г.П.). Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности. Буржуазная политическая экономия, выдумавшая экономического человека и вечные экономические законы, считает второй принцип утопическим. Но экономический человек – преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека. Одно ясно: проблема эта не может быть лишь проблемой организации общества, она неизбежно есть проблема новой душевной структуры человека, проблема нового человека. ... На проблему перевоспитания коммунизм принужден обратить большое внимание, но у него нет для этого духовных сил. Нельзя создать нового человека и новое общество, объявив хозяйственную жизнь обязательным делом чиновников государства. Это не социализация хозяйства, а бюрократизация хозяйства. Коммунизм в той форме, в какой он вылился в России, есть крайний этатизм»...

Из отрывка следует, что Н. Бердяев не признает незыблемости буржуазных принципов, полагает (в противоположность Попперу) коммунистический, коллективистский принцип более близким к христианскому, а буржуазный принцип и буржуазную собственность прямо таки антихристианской.

С другой стороны он считает, что время осуществления коллективистского принципа еще не пришло, и резко, да, наверное, и справедливо, обрушивается на советское государство за бюрократизацию хозяйства и жестко – иерархический сверхэтатизм. Однако было бы большим упрощением представлять Н. Бердяева в виде сторонника коллективизма. И если

он, по-видимому, первым использовал термин коммуитаризм (Бердяев Н. А. «Царство духа и царство кесаря», – в кн. «Судьба России», М., 1990, «Советский писатель», с. 293—326), то у Бердяева «коммуотарность» – не в качестве синонима или аналога коллективизма, а в виде прямого ему противопоставления. Понимая «коммуотарность» как общинность, т.е. в его буквальном значении, Бердяев говорит о недопустимости его смешения с коллективизмом. Для него «...очень важно установить различие и противоположность между коллективизмом и коммуотарностью». Атакуя понятие коллективизма, Бердяев исходит из отрицания существования сверхличных реальностей, таких, как «армия, нация, класс и пр.». Он полагает, что «существуют „коллективные реальности“, но не „коллективы“ как реальности. Для него „коллектив есть не реальность, а известная направленность людей и групп, состояние, в котором они находятся“».

Этот раздел надо читать, конечно, полностью. К нему полезно добавить здесь фрагмент из большой статьи Н. А. Бердяева (1931 г.) в сборнике «Христианство, атеизм и современность [13] (который видится во многом актуальным для современных ученых-гуманитариев и политиков). Она называется «Правда и лож коммунизма (К пониманию религии коммунизма)». Среди прочей критики коллективизма и коммунизма, и констатации положительных факторов Н. А. Бердяев говорит, например (с. 67—70):

«Нужно помнить, что первым коммунистом, начертавшим коммунистическую утопию, был Платон, что существовал коммунизм первохристианский, основанный на Евангелии, что существовал религиозного типа коммунизм в средние века и в эпоху реформации, что автор «Утопии» Томас Мор причислен католической церковью к лику блаженных, что коммунистические и социалистические течения в первую половину XIX века во Франции носили спиритуалистический и даже религиозный характер, хотя и очень расплывчатый и неопределенный. Самое слово коммунизм происходит от слова коммунион (от фр. *commune*, община, – А.В.), общность, взаимоприобщенность. Такой коммунион, взаимоприобщенность, духовная общность людей предполагает приобщение их к единому, высшему источнику жизни, к Богу. Лишь в Боге и в Христе достигается общность людей, подлинный коммунион. Братство возможно лишь по Единому Отцу. Современные коммунисты хотят достигнуть общности через внешне механическую, принудительную организацию общества* (сноска: Немецкий социолог Теннисс делает плодотворное различие между *Gesellschaft* и *Gemeinschaft* (общество; объединение и общность, связь; содружество, – А.В.), но он остается на почве натуралистической социологии). Но сама идея коммуниона, общности людей, т. е. коммунизма в глубоком смысле слова есть великая и вековая мечта человечества. <...>

Лицемерен и лжив тот аргумент консервативного и буржуазного христианства, что преобразовать и улучшить человеческое общество, осуществлять в нем большую справедливость невозможно вследствие греховности человеческой природы. В действительности преобразование и улучшение человеческого общества, осуществление в нем большей справедливости необходимо совсем не потому, что мы оптимистически смотрим на человеческую природу и исповедуем руссоизм, а именно потому, что мы пессимистически смотрим на человеческую природу и считаем необходимым установление порядка, ограничивающего социальное проявление греха. Именно буржуазная идеология, породившая капитализм, была оптимистична и верила в естественную гармонию, проистекающую из игры частных интересов».

Здесь надо заметить, прежде всего, что для революционно настроенных и вдохновленных известными целями народов того периода реально, а не в молитвах, осуществлялось приобщение, «взаимоприобщенность» к высшим целям социализма-коммунизма, которые и занимали место Бога – Отца. Соответственно, братьями и сестрами становились все, кто осознанно был устремлен в своей жизнедеятельности к этим высшим целям.

Мышление Н. А. Бердяева определялось, по всей видимости, социально-политической реальностью того периода, а не системным мышлением о ней (которым не обладали и многие другие мыслители), – главным образом, механистическим подходом политических лидеров и, соответственно, силовыми действиями «большевиков» в повсеместной коллективизации, экспроприации и обобществлении.

Само понятие *коллективизма* было рождено практикой социальной жизнедеятельности. Но, с современных научных позиций это слово-термин отражает системное значение «коллектива», как целеустремленной АСЦ, той или иной величины, в развитии более крупной АСЦ (в кот. он входит) и общества (страны) в целом. Системная сущность организации коллектива в том, что осуществляется «собрание» (по этимологии слова-термина) с «подбором» («положительный подбор» по Богданову) множества человеческих Единиц с характеристиками, необходимыми для достижения цели деятельности коллектива (установленной организатором, лидером). Н. А. Бердяеву надо было бы видеть все же (в период написания указанной статьи), – в период ускоренного развития СССР, что целеустремленные коллективы это созидательно действующие реальности, возвышающие общество (страну) относительно окружающего мира.

Рассмотрим теперь определение коллективизма конца 20 в., в «Словаре по этике» А. А. Гусейнова, И. С. Кона, ведущих ученых-гуманитариев:

«**Коллективизм** (лат. *collectivus* – собирательный) – один из осн. принципов социалистической морали, предполагающий взаимоотношения человека, группы и об-ва, основанные на коллективном, совместном характере социальной деятельности (*Человек и общество, Личность и коллектив*). Ключевое значение К. получает в пролетарской морали, что определялось характером труда в капиталистическом об-ве, задачами совместных действий рабочего класса против капитала. При социализме К. провозглашается как идейно-нравственный принцип, наиболее соответствующий общественной сущности человека и призванный снимать противоречия между индивидом и социумом; личность ориентируется об-вом в лице различных его институтов на коллективные формы самореализации, а К. становится осн. критерием оценки личности. В социальном и нравственном отношении К. противоположен индивидуализму и корпоративизму (групповому эгоизму). Принцип К. может быть выражен формулой: «Поступай так, чтобы твой личный интерес сочетался с коллективным, общественным интересом».

К сожалению, авторы этого словаря, как и многие другие ученые социально-гуманитарных направлений не использовали «системный подход» к раскрытию базовых понятий этики и прочих (он не освоен, как показывают публикации, до сих пор). В системной оптике надо видеть в коллективе «систему коллективной (полифункциональной) деятельности», в которой цели этой системы априори, – осознанно каждой её «структурно-функциональной единицей» (ЧСФЕ), выше индивидуальных целей (вне деятельности коллектива). Это является наиболее строгим, системным принципом при аккумуляции не только коллективом, но и любым другим общественно целевым сообществом больших общественных ресурсов, – особенно энергетических, материально-технических, информационных и человеческих ресурсов, капиталов и потенциалов (компетенций), – которые, несомненно (по великому опыту и системным понятиям), должны использоваться по высшим общественным целям (по подчиненным ими целям-средствам). Рассмотрение понятия *коллектив* в системной оптике позволяет видеть общественное преимущество коллективистской организации общественного производства (на человеческом уровне, в широком понимании производства – энерго-материального, технического, техно-информационного и культурного). Теперь, на основе системно-исторических взглядов и в связи с широким распространением в научном познании и проектировании понятия *коммуитаризм*, видится научно и практически обоснованным считать, что термины

коллектив, коллективизм отражают и подчеркивают морально-нравственную, психологическую совместимость индивидов, основу полного целевого единства в целеустремленном *коммуитарном* сообществе любого направления деятельности.

Здесь надо, однако, ограничиться и перейти к рассмотрению творчества «великого коллективиста» А. Богданова. Тема коллективизма была постоянно актуальной в общественной реальности той поры и, соответственно, в его творчестве [2; 16; 17]. В плане рассматриваемой темы надо обратиться к известной, – думается, уже многими, Тектологии как «всеобщей организационной науке». Научное обобщение и представление результатов этой грандиозной работы было выполнено выдающимся биологом своего времени А. Л. Тахтаджяном в Ежегоднике «Системные исследования» (1971 г.) [128]. В самом начале рассмотрения результатов он отмечает:

«В первой части «Тектологии» устанавливаются два наиболее общих организационных механизма – формирующий и регулирующий. «Всякое событие, всякое изменение комплексов и их форм возможно представить, как цепь актов соединения того, что было разделено, и разделения того, что было связано... При этом для всякого разрыва связи можно установить, как необходимый предшествующий момент, какой-нибудь акт соединительного характера... Следовательно, первичный момент, порождающий изменения, возникновение, разрушение, развитие организационных форм, или основа формирующего тектологического механизма есть соединение комплексов» ... Богданов обозначает ее термином «конъюгация», взятым из биологии. Он придает этому понятию универсальный смысл. «Научно-организационные понятия так же строго формальны, – пишет он, – как и математические, которые, собственно, к ним и принадлежат; «конъюгация» настолько же формальное понятие, насколько сложение величин, которое есть ее частный случай» [там же, стр. 122]. Со стороны формы получающихся систем результаты конъюгации очень различны. Результатом конъюгации вообще является система из преобразованных конъюгировавших комплексов. Эти комплексы могут либо остаться во взаимной связи, либо вновь разъединиться в самом ходе изменений, порожденных конъюгацией. Связь конъюгировавших комплексов создается наличием общего элемента, входящего в оба комплекса. Всякое объединение посредством общих звеньев обозначается термином «связка». Развитием связки определяется степень связи. <...> Основной тип организационной связи есть ингрессия. Соответственно ему, основную форму дезорганизации, т.е. распада, разложения комплексов, Богданов обозначает как «дезингрессия», т.е. как отрицательную ингрессию. <...>

Конъюгация, ингрессия, связка, дезингрессия, граница, кризисы С и кризисы D – все это основные понятия для формирующего тектологического механизма. ... *Закономерное сохранение или уничтожение* – это и есть первая схема универсального регулирующего механизма. Обозначить его всего лучше тем именем, которое он давно получил в биологии – «отбор» или «подбор» [там же, стр. 178]».

Здесь видится достаточным ограничиться общим замечанием (по теме статьи). Богданов, по всей видимости, ошибочно попытался перенести в анализ организационных процессов общества понятия и терминологию из общей биологии. И не попытался использовать уже существовавшие в тот период понятия и термины, отражающие социальную реальность, особенно термины «первобытный коммунизм», «коммуна», – сквозь которые нетрудно было видеть и соответствующие организационные процессы, и термины, отражающие, обобщающие их (используемые теперь) – *коммуникация, коммуниция и коммуитаризм* (согласно и созвучно *гуманизму и гуманизации*).

Современный политолог Н. А. Баранов опубликовал на своем учебном сайте (URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-politicheskie-ideologii/leksiya-10>

kommunitarizm?ysclid=mjo83c95qn417383655) наиболее полную, на мой взгляд, лекцию о коммунитаризме. В первом разделе «Востребованность коммунитарной парадигмы» он говорит:

«Как примирить две одинаково сильные *амбивалентные тенденции современной ситуации* – с одной стороны, к *разъединению*, индивидуальному и групповому, особенно этническому, а, с другой, к *взаимозависимости и единству мира*; как сочетать возросшие права и свободы индивидов и этнических групп со стабильностью социума? Сегодня эта проблематика занимает центральное место на идейно-теоретической сцене Запада.

Исследователи фиксируют возникшую *потребность в новой социальности, которая, не ущемляя личностную и групповую автономию, сочетала бы ее с социальным долгом и понятием социального блага*. Ответом на эту потребность стали *идеи коммунитаризма*, возникшие в конце XX века на Западе. Коммунитаристские концепции предлагают свою, пожалуй, наиболее стройную и разработанную идейно-теоретическую парадигму, в соответствии с которой исследуются *возможности оздоровления общества и укрепления его стабильности*.

Оставаясь в целом на позициях либеральной общественной мысли, *коммунитарии подвергают критике* те ее базовые положения, которые, по их мнению, не отвечают потребностям современного этапа общественного развития, а именно *тезисы о самодостаточности рынка и о неограниченной индивидуальной свободе*.

Главной идеей коммунитаризма является необходимость *заботы о сообществе наравне со свободой и равенством*. Коммунитаристы полагают, что ценность сообщества недостаточно признана в либеральных теориях справедливости или в общественной культуре либеральных обществ.

Популярность коммунитаризма вызвана его *центристской позицией и идеологической нейтральностью, неприятием любого экстремизма*. В США он удостоивается внимания со стороны основных политических лагерей, осознающих неприемлемость поляризации политического поля, а в Европе воспринимается как универсальная идея различными политическими силами правого и левого толка.

Идейные истоки коммунитаризма восходят к античной философии, к религиозно-философским представлениям об обществе в Ветхом и Новом Завете. *Важную роль в возникновении этого идейно-политического течения сыграли две традиции* – коммунистическая с ее акцентом на идее братства и *анархистская*, концентрирующая внимание на возможности существования общины без вмешательства государства.

Тот коммунитаризм, который снискал известность в 1980-е гг. в связи с работами Майкла Сандела, Майкла Уолцера, Алэсдера Макинтайра, Дэниела Белла и Чарлза Тейлора, сильно отличается от традиционного марксизма. *Марксисты* рассматривают сообщество как нечто, достижимое только *путём революционных изменений*, свержения капитализма и построения социалистического общества. Новые коммунитаристы, однако, считают, что сообщество уже существует в виде общих социальных практик, культурных традиций и общественного взаимопонимания. Сообщество не должно строиться заново, оно скорее нуждается в защите. До некоторой степени коммунитаристы видят сообщество в тех самых социальных практиках, которые марксисты рассматривают как эксплуататорские и отчуждающие.

После того как в 1990 г. группа интеллектуалов в Университете Джорджа Вашингтона (во главе с А. Этциони и У. Галстоном) сформулировала «коммунитарную платформу», которую подписали многие общественные деятели и политики, начался период популяризации нового идейного течения.

Манифестом коммунитаризма стала книга А. Этциони «Дух общности: права, обязанности и программа коммунитаризма», опубликованная в 1995 г. Ее автор призвал читателей присоединиться к движению коммунитаризма, чтобы дать новую жизнь институтам семьи и школы, избавив их от подавляющих личность качеств.

Следует подчеркнуть, что на современной идейной сцене Запада установки коммуитаризма выходят за пределы именуемого себя так течения. В числе своих единомышленников коммуитарии называют *ведущих политиков разных стран* и различной партийной принадлежности: демократов **Б. Клинтона** и **А. Гора**, республиканцев **Д. Даренберга** и **А. Симпсона** в США, лейбориста **Э. Блэра**, консерватора **Д. Уиллетса**, либерала **П. Эшдауна** в Великобритании; социалиста **Ж. Делора** во Франции, социал-демократов **П. Бургера** и **П. Майера**, христианского демократа **К. Биденкопфа** в Германии и др.».

Далее Н. А. Баранов рассматривает следующие темы:

- 2. Исторические корни и современная практика коммуитаризма**
- 3. Коммуитарная парадигма против «культуры разъединения»**
- 4. Теоретические основания**
- 5. Политика коммуитаризма**
- 6. Коммуитаристская программа**

Здесь видится целесообразным привести основной, – по теме статьи, фрагмент четвертого раздела:

«Теоретической посылкой своих концепций коммуитаристы считают *отрицание общепринятой в социальной психологии биполярной модели «индивидуализм – коллективизм»*, считая ее упрощением социальной реальности. Данную дихотомию они заменяют понятием **«коммуитаризм»**, рассматриваемым как средство снятия антиномии коллективного и индивидуального. Если **индивидуализм** поощряет в обществе анархию, способствует торжеству закона джунглей, то **коллективизм** таит в себе опасность подавления личности, ее нивелирования, пренебрежения ее правами. Обе тенденции могут вести к тоталитаризму, в то время как **коммуитаризм призван «должным образом уравновесить индивидуальные права и социальную ответственность»**.

Теоретически особенно последователен в снятии антиномии **«индивидуализм – коллективизм»** **Ф. Фукуяма**, доказывающий, что *в реальных социумах эти понятия, как правило, совмещаются*. Исследуя американскую ментальность, Фукуяма признает, что **индивидуализм имеет глубокие корни в традиции страны**, в частности, в политической доктрине о правах человека, лежащей в основе Декларации независимости и Конституции США. Тем не менее, он считает, что в Штатах, *существует столь же старинная коммуитарная традиция, связанная с религиозными и культурными корнями страны*. «Если индивидуалистическая традиция играла во многих отношениях доминирующую роль, – пишет **Фукуяма**, – то коммуитарная традиция выступала в качестве смягчающего и сдерживающего фактора, препятствовавшего импульсам индивидуализма достигать своего логического завершения».

Характер взаимопроникновения индивидуализма и коллективизма в американской традиции разъясняет близкий к коммуитаризму социолог **Г. Ганс** своей концепцией **«народного индивидуализма»**, который он считает одной из фундаментальных ценностей страны, разделяемой подавляющим большинством ее граждан. Определяя **народный индивидуализм как стремление индивида «к личной свободе и личному контролю над своим социальным и природным окружением»**, Ганс подчеркивает, что преследуемая при этом цель – «не отделение от других, а взаимодействие и сотрудничество на уровне неформальных групп».

Методологически плодотворным представляется **подход Фукуямы**, который *отказывается от традиционной типологизации социумов по принципу «индивидуалистский – коллективистский»*, на основании чего обычно проводят грань между якобы **индивидуалистическим Западом и коллективистским Востоком**. «Ни индивидуализм, ни коллективизм в отдельности, но взаимодействие этих двух противоположных начал привело к успешному развитию демократии и экономическому прогрессу в США», – пишет **Фукуяма**,

распространяя этот тезис и на другие прогрессирующие страны, независимо от их расположения на Западе или на Востоке.

Впрочем, Фукуяма *допускает и существование «поистине индивидуалистических социумов, мало приспособленных к объединению в коллективы*, которые именно по этой причине стагнируют экономически и социально». К таким социумам он причисляет Россию, некоторые другие постсоциалистические страны и даже отдельные кварталы мегаполисов США.

Выхолащивание ценностей коллективизма в социалистических странах и гипертрофия индивидуалистических черт сознания на современном Западе определяют различия в постановке одной и той же теоретической проблемы. *В бывших социалистических странах сторонники коммунитаризма* направляют острие своей критики *против крайностей коллективизма. На Западе вызовы коммунитаризма* направляются в первую очередь *против индивидуализма*, и в качестве позитива предлагается укрепление коллективистских ценностей: «Сегодня для Запада и для Соединенных Штатов особенно, – считает А. Этциони, – настало время для укрепления общих, разделяемых всеми ценностей и установления новых пределов личной автономии».

Несмотря на провозглашаемый принцип соблюдения баланса между индивидуалистическими и коллективистскими ценностями, идеологи коммунитаризма все же нарушают баланс в пользу последних».

Рассмотрим далее однокоренные слова-термины, видимые наиболее значимыми в терминологическом выяснении системной сущности *коммунитаризма*. В Википедии указываются определения следующих слов-терминов:

«Коммуна (от фр. *commune* – «община») может означать:

Коммуна – форма совместной жизни людей, основанная на обобществлении имущества и труда всех её членов.

Коммуна *хиппи*.

Коммуна – самоуправляемый средневековый город, городская республика. См. *Коммунальное движение*.

Коммуна сельскохозяйственная.

Трудовая коммуна».

По всей видимости, термин *коммунизм* был введен именно по этимологии от французского слова *commune*, с первично понимаемым отражением будущей совместной жизнедеятельности людей, исторически и демографически соединенных в геопространстве, на основе обобществления всех ресурсов и общественно целевого совместного труда (см. историю социально-политического мышления в этом плане). Системная сущность «коммуны» хорошо видна из современных научных этнографических описаний древних общин, как первичных АСЦ, образовавшихся на базе всеобщих естественных системных и прочих законов и закономерностей (см. также совр. науч. описания «живых систем»), – [6; 16; 20; 21; 31; 35; 88; 100; 129]. Возникает, можно сказать, перманентно актуальный, – для высшего общественного Разума, вопрос: почему же, вследствие чего, произошел всеобщий организационный переход от социальных «коммун» к так называемому «классовому», функционально раздробленному, социально дискретному обществу? Рассмотрим его ниже.

Современная философская энциклопедия (НФЭ) начинает определение коммунизма таким образом:

«КОММУНИЗМ (от лат. communis – общий) – 1) направление социально-философской мысли, некая гипотетическая модель, в которой нашли отражение вековые мечты людей о совершенном и справедливом общественно-политическом устройстве; 2) социально-политическое движение, призванное реализовать эту модель на практике.

Коммунизм имеет общие корни с социализмом. По мнению большинства специалистов, коммунистические идеи в зародыше содержались уже в «Государстве» Платона, где обосновывалось государственное устройство, в котором управление осуществлялось бы философами, лишенными собственного имущества. Как считал Платон, если правители будут обладать собственностью и соответственно особыми интересами, то они утратят способность принимать беспристрастные, непредвзятые решения. Коммунистических по своей природе идей придерживались первые христиане, которые защищали и практиковали общинную собственность, рассматривая частный интерес как противоречащий духу своего учения.

Эти установки были довольно широко распространены в Средние века в монастырях и разного рода хилиастических, или милленаристских, сектах, приверженцы которых считали, что они в полной мере не смогут служить Богу, если их внимание будут отвлекать земные заботы. В тот период существовало множество мелких коммунистических общин, созданных на основе буквалистского толкования Священного Писания. У них коммунизм означал общественное устройство с коллективной собственностью, в котором материальные блага распределялись между всеми членами общества равномерно в соответствии с их потребностями. Коллективная собственность и соответствующее ей распределение материальных благ были призваны теснее привязать верующих к монастырю или общине и предотвратить всякие мысли об их самостоятельности и независимости, тем самым цементируя единство общины верующих».

К системно-историческому анализу происхождения, распространения и реализации идей коммунизма в СССР рекомендуется, кроме прочего, привлечь уникальную научную работу отечественного исследователя-экономиста В. Я. Железнова [30]. В указанной книге он рассматривает не только экономические, но и социально-политические взгляды Платона (прежде всего) и Аристотеля, в частности, и в мышлении о справедливости, индивидуальном потреблении и коммунистической (коммунитарной в совр. научном понимании) организованности.

Все эти и другие сведения надо дополнить статьями в НФЭ (доступной в интернете) о фундаментальном понятии, отражающем процессы и физические средства, обеспечивающие действия коммунитарных процессов в образовании, укреплении и развитии не только общественных АСЦ, но и международных, глобальных сообществ (ассоциаций и пр.), а также коммунитарных процессов в живой природе. Это понятие обозначено термином **коммуникация**. Ознакомление с двумя статьями, о «массовой» и научной коммуникациях надо предложить читателю, ввиду ограниченных рамок статьи. А здесь привести наиболее краткие определяющие сведения из Википедии:

«**Коммуникация** (как связь и общение) – от лат. communicatio – сообщение, передача и от лат. communicare – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать [1] – принятый в исследованиях термин, которым обозначают операционные системы, повседневно обеспечивающие единство и преемственность человеческой деятельности (см. в этой связи теорию коммуникации, науку о коммуникациях, коммуникационную науку, коммуникативистику [2].

Процесс коммуникации (в том числе как формы взаимодействия) понимается в качестве одной из основ жизни человека и общества. При этом речь у исследователей идёт как о процессах коммуникации, так и о его результатах [3].

Согласно одному из определений, под коммуникацией как наукой следует понимать совокупность исследований роли коммуникации в обществе, имея в виду её развитие, содержание

и структуру коммуникационных процессов, использование их средств и т. д. [4] Например, под коммуникацией можно понимать социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных средств коммуникации [5]. Другие авторы ограничивают понимание коммуникации исследованиями смысловых аспектов социального взаимодействия [6].

Согласно Бакстер [англ.], Силларсу и Вангелисти, коммуникация – это средство, с помощью которого люди конструируют и поддерживают свои отношения [8; 9].

.....

Понятие «коммуникация» – первооснова для любых процессов жизнедеятельности людей, механизм общения, обмена сообщениями, мыслями, сведениями, идеями; специфическая операция социальных систем по перераспределению знания и незнания между их участниками; средство конструирования и поддержания отношений между людьми [10].

Достаточно полное критическое исследование концепций западного коммунитаризма (относительно лишь недавно начавшихся других исследований) представлено в диссертации О. Б. Давыдова «Коммунитаристский проект общества» [34]. Здесь видится необходимым привести значительную часть Введения из автореферата, чтобы полнее представить российскую ситуацию в научно-философском и научно-политическом мышлении (о которой говорят и многие другие публикации представленные ниже и известные читателям):

Актуальность исследования. Коммунитаризм является направлением современной социально-политической мысли, в основном, представленным авторами из Северной Америки. Такие философы как А. Макинтайр, Р. Сэндел, Ч. Тейлор, М. Уолцер, А. Этциони, сформулировали повестку, которая получила широкий резонанс, начиная с последней четверти XX века, распространившись во всем мире. Это течение социально-философской мысли стало в резкую оппозицию к западной традиции либеральной социально-политической и моральной философии. В повестку дня, которую предложили коммунитаристы и вокруг которой развернулись споры, входят многие проблемы, среди которых: онтологический статус сообщества, обоснование идеи общего блага, этика добродетелей, универсальная справедливость, мультикультурализм, толерантность, сущность политического участия, права человека и социальных меньшинств и др.

Однако, в русскоязычном философском контексте коммунитаризм, в отличие от либеральной философии, которой посвящено большое число исследований, в том числе, диссертаций, монографий и статей, не получил должного развития и внимания....

Следует отметить, что как таковой, коммунитаризм не является монолитным направлением социальной и политической философии в смысле существования единой артикулированной программы и методологии. Более того, некоторые из авторов, относимых к коммунитаризму в соответствии с их базовыми идеями, не соглашались с данной идентификацией. Критикуя либеральный проект общества, коммунитаристы указывают на необходимость пересмотра его философских оснований, среди которых: онтологический индивидуализм, моральный универсализм, утрата коммунитарного разнообразия и кризис идеи общего блага. Тем не менее, все авторы, ассоциируемые с коммунитаризмом, разделяют определенные онтологические и нормативные установки и исходные позиции: утверждают значимость сообщества, защищают социальную природу человеческого Я,

отстаивают приоритет общего блага над индивидуальными интересами, критикуют моральную нейтральность государства и т. д.

Соответственно, либеральный и коммунитаристский социально-философские проекты являются комплементарными, а выдвигаемая ими аргументация взаимно трансформировалась в ходе дебатов, которые прошли свой пик интенсивности на рубеже 80—90х годов XX столетия. В результате этих теоретических дебатов, аргументация как коммунитаристов, так и либералов заметно модифицировалась, а их позиции сблизились, перестав быть взаимоисключающими по многим важным вопросам. Одним из примеров такого сближения является интерпретация Рорти, который охарактеризовал коммунитаристский проект как «постмодернистский буржуазный либерализм»¹ (Рорти Р. Постмодернистский буржуазный либерализм / Р. Рорти // Логос. — №9 — 1999 (19) – С.96—104).

Коммунитаризм является теоретической и социально-политической реакцией на двойной вызов. С одной стороны, коммунитаристов беспокоят проблемы западного общества, которые выразились в крайней фрагментации социума, упадке общественной морали, росте социального неравенства и упадке локальной социальной ангажированности. Современная массовая культура создает атмосферу разобщенности и одиночества, вызывающую психологические проблемы у многих людей, которые ощущают нехватку взаимопонимания и причастности, имеют стремление к близкому общению с Другим.

Либеральная философия, исходящая из понимания общества как совокупности автономных индивидуумов, преследующих собственные интересы и обладающих неотчуждаемыми правами, на практике столкнулась с множественными проблемами. Следует отметить и то, что проблемы и негативные тенденции, которые сформировали контекст коммунитаристской социальной мысли, не являются свойственными только для Запада, но характерны и для не западных обществ.

С другой стороны, случившийся на рубеже последнего десятилетия XX века кризис реального социализма, артикулировавшего свою программу как реализацию общего блага, инициировал активное теоретическое переосмысление фундаментальных оснований социального, чем и занялись представители коммунитаризма. Проблема сбалансированности институциональной структуры общества и индивидуальной автономии, согласно коммунитаристскому проекту, должна решаться за счет расширения роли сообщества как опосредующего элемента социальной структуры.

В аспекте установок индивидуального самосознания, гармонизация расширяющихся личностных свобод и социальной ответственности, а так же понятия долга – является ключевой характеристикой для той ценностно-смысловой атмосферы, которая развивается в коммунитаризме. Вместе с тем, в отличие от классических социалистов, коммунитаристы не отождествляют сообщество с государством, а отстаивают его относительную автономию. Сильное гражданское общество, относительно независимое от государства и имеющее онтологию, отличающуюся от совокупности индивидуумов его составляющих – таков идеал коммунитаристского социального устройства. <...>

Следует указать на то, что проблематика, разрабатываемая коммунитаристами, является весьма актуальной применительно к осмыслению

современных российских реалий. Нестабильность социальности, находящейся на протяжении долгого времени в перманентном процессе трансформации, представляет собой проблему, требующую всестороннего осмысления. Кроме того, в российском социуме существует дефицит солидарности и доверия между индивидуумами, а так же низка степень вовлеченности в жизнь и деятельность локальных сообществ, уровень которой значительно ниже, чем в других развитых и развивающихся странах². Этому сопутствует низкая вовлеченность людей в гражданскую активность, слабый уровень развития публичной политики и ориентация индивидуального поведения на приватные практики, главным образом – потребительские.

О. Б. Давыдов приводит, среди прочей литературы (379 публ.), следующие публикации, наиболее близкие к теме данной статьи:

Бакланова О. А. Коммунитаризм как философское основание современной теории коллективизма / О.А. Бакланова // Научная мысль Кавказа: Северо-Кавказский государственный технический университет. Ростов н/Д., 2011. – Т. 66. – №2. – С. 23—26.

Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

Бердяев Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ, 2007. – 381 с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция – Республика, 2006. – 269 с.

Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект 2005. – 528 с.

Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху / Е. С. Голубцова. – М.: Наука, 1998. – 253 с.

Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография / Г. Ю. Канарш. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 236 с.

Мартьянов В. С., Фишман Л. Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В. С. Мартьянов, Л. Г. Фишман. – М.: Изд-во «Весь мир», 2010. – 256 с.

Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Отв. Ред. В.Г.Федотова. – М.: ИФ РАН, 2002. – 208 с.

Мюрберг И. И. Чарльз Тейлор и коммунитаристская трактовка политического / И. И. Мюрберг // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. Отв. ред. Федорова М. М. – М.: Идея-Пресс, 2009.

Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка / П. Розанваллон. – М.: Новое литературное обозрение, 2007 – 256 с.

Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. Новосибирск: НГУ, 1995. – 536 с.

Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж. Ж. Руссо. – М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.

Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / М. Сэндел. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.

Чалый В. А. Коммунитаристская критика эгалитарного либерализма: анализ и перспективы / В. А. Чалый // *Honoris causa*. Сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. – СПб, 2016. – С. 121—130.

Этциони А. Демократизации недостаточно / А. Этциони // Россия в глобальной политике. – 2005. —Т. 3. —№2. —С. 12—14.

Этциони А. Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности /А. Этциони // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. – 2012. – №2 (3). – С. 100—117. URL: <http://pu.virmk.ru/arhiv/2012/02/Etzioni-Petrosyan.htm>

Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе /А. Этциони// Новая постиндустриальная волна на Западе. Пер. с англ. и ред. Иноземцева В. Л. – М.: Академия, 1999.

.....

Тема коммунитаризма непосредственно связана и анализируется в западном мышлении с темой справедливости, поскольку *справедливость* как критериальная оценка деятельности (поведения и действий) индивидов и сообществ используется, как правило, именно внутри сообществ и по отношению к их целям и действиям в более крупных сообществах, по отношению к их целям. Можно сказать, справедливость связана с коммунитаризмом функционально, на уровне соответствующих отношений и процессов в сообществах. Соответственно, в западном мышлении надо выделить подход и соответствующие публикации Марты Нуссбаум [84].

В российском мышлении тема справедливости стала фундироваться в научно-философских сообществах ранее коммунитаризма, на базе традиционных ценностей православия и прочих. Но справедливость как понятие соответствует системному (сущностному) уровню организационных и функциональных процессов всех сообществ, поэтому надо использовать именно системный подход и распространять его в историческую глубину общественного развития. Опуская многие сведения и научные источники, приведенные автором выше и ранее, надо кратко констатировать следующее.

Человеческое общество объективно и по государственному Праву (от высшего комплекса, управляющего его организацией/реорганизацией и развитием) есть функционально-иерархически высшее сообщество граждан, подчиняющее все организованные (тем или иным образом) и действующие (функционирующие) в нем сообщества (от малых групп до крупнейших корпораций). Это хорошо видно от истоков социогенеза до цивилизационного, но общественно неадекватного, – относительно эволюционного Предписания, то есть «неразумного» относительно предписанного Разума. В этом плане надо видеть неразумность, – лишь экономически и политически обусловленного, перехода от естественного общества, его развития к рыночной парадигме развития (см. историю возникновения и развития политического и «экономического» мышления, «политэкономии»). То есть искусственную парадигму (основанную на искусственных средствах «экономического» развития) следует считать «в корне» ошибочной (кратко о «корнях» ниже) [22; 37; 58; 68; 99; 108; 115; 145].

Акцент на значении Разума общества в развитии делали в свое время известный социолог-публицист С. Г. Кара-Мурза [55] и Н. Н. Моисеев [80]. В последующих исследованиях отечественных ученых стало развиваться связанное с этой, надо сказать, государственной проблемой фундаментальное направление, названное активным и ведущим его представителем А. И. Субетто «ноосферизмом» [127], то есть направление исследований и проектирования *общественно* рациональной и целесообразной «ноосферы». Фундаментальные, эволюционно назначенные системные закономерности формирования («нейрогенеза») нейро-разумных структур высших организмов и, соответственно, человеческого общества, как антропосоциальной целостности (АСЦ) системно видны уже в начальных АСЦ [6; 20; 21; 25; 29; 31; 35; 64; 129; 150].

Соответственно системному значению справедливости, справедливых отношений и соответствующих действий, деятельности индивидов и сообществ в иерархически высших сообществах, их надо анализировать и предельно повышать над нормативно предписанными значениями (по опыту) именно по отношению к целям сообществ. Во многих современных

публикациях отмечается большая сложность понятия справедливости. Она как раз и объясняется отсутствием системного понимания человеческого общества, специализированных сообществ (АСЦ), – в широком спектре количественных и качественных характеристик, составляющих его. Оно до сих пор (особенно с переходом к рыночной парадигме) понимается многими в качестве общественной среды, – организуемой и охраняемой государством, для относительно свободной индивидуальной и целерациональной организации достижения благополучия посредством «предпринимательства», «бизнеса» (см. истоки и развитие либерализма с этими и пр. понятиями). Однако, таковая организация деятельности во многом нерациональна для общества в целом (а часто и вредна, губительна, – в известных масштабах), – собственники обогащаются, денежные знаки сохраняются (при рациональной организации национальной финансовой системы), а общие природные, человеческие (жизненные) и прочие ресурсы безвозвратно исчезают!

В отношении справедливости хорошо видно как указанная парадигма, надо сказать, твердо установила, – на все последующие века общественного развития, фундаментально несправедливое для всего общества как высшего сообщества его людей (граждан в будущем) распределение общих природных и производимых в обществе благ (добываемых и вырабатываемых специализированными сообществами) и, соответственно, несправедливые для общества ограничения в развитии человеческих ресурсов, – то есть противоречащие высшим целям общества «несправедливости». Всем рыночно-коммерческим сообществам эти общественные несправедливости оказались выгодными, поскольку они максимизировали прибыль в обогащении. Но получая от использования общественных ресурсов обильные блага, они действовали (и действуют, с известным гуманитарным «смягчением») явно несправедливо по отношению к обществу в целом (объективно нуждающемуся в максимально деятельном народе, для быстрого достижения высших целей). Из истории известно быстрое, повсеместное распространение рабства, работорговли и рабского содержания всех работников. Эти несправедливости оказались выгодными и Правителям, поскольку они обеспечивали денежные потоки их обогащения. История общественного развития посредством указанной парадигмы с фундаментальным отрицательным действием на человеческие ресурсы и, стало быть, на всё развитие представлена теперь в большом множестве научных и научно-образовательных книг. В российской истории наиболее показательной в этом плане видится эпоха Петра 1, в которой происходила мобилизация человеческих ресурсов для достижения высших целей России, но с сохранением рабского отношения к ним, ввиду сохранения рыночной парадигмы.

Здесь надо кратко остановиться, соответственно, на самой чувствительной для человека несправедливости – в обеспечении самой жизни и жизнедеятельного развития на благо всего общества, высшего «народного сообщества», то есть для наиболее ускоренного достижения им объективно необходимого могущества по отношению к собственному состоянию и развитию, и к окружающему миру. В этом плане надо констатировать «азбучные истины».

Жизнь общества (страны) определяется жизнью каждого человека, – от внутриутробного начала. Это «строка текста» эволюционного Предписания человеческому обществу. Поэтому обеспечение совокупной жизни, обеспечение развития объективно необходимых характеристик каждого человека должно соответствовать организменным нормам и специализированному развитию в качестве структурно-функциональной Единицы (ЧСФЕ) общества как сверхорганизма, в адаптации к условиям окружающего мира (также по эвол. Предписанию) [6; 20; 21; 76] (см. предыд. публикации автора и библиографию).

Таким образом, на основе «системного подхода», системного понимания коммунитаризма и справедливости в великом историческом опыте, можно видеть, что *справедливость* обеспечивает устойчивость, прочность и жизнедеятельную эффективность той или иной социальной организации (коммунитарно организованного сообщества, антропо-социальной целостности, АСЦ), – морально-нравственным (психологическим) и структурно-функ-

циональным образом. То есть *под справедливостью следует, научно и практически обоснованно, понимать критериальную оценку отношений, действий и деятельности индивидов, лидеров-организаторов сообщества, – того или иного назначения в более крупном сообществе, оценку соответствия их требуемым (со стороны высшего сообщества) фундаментальным характеристикам сообщества – уровням «прочности» и целевой эффективности, соответствия его целям иерархически высшего сообщества, всего национального общества (сообщества народов) в мировом сообществе.*

Эволюционное Предписание предписывает и жизненно необходимый человеческому обществу как сверхорганизму сверхчеловеческий комплекс разума, – адекватный объективным требованиям для существования и развития общества в окружающем мире, то есть «интеллектуальный комплекс», в современной терминологии. Из этнографических и научно-исторических исследований мы видим, что он реализовывался первоначально достаточно адекватно, в качестве так называемых «вождеств», но затем, в связи с переходом к искусственно установившейся рыночной парадигме общественного развития и образованием соответствующих «государственных» комплексов, адекватность их объективным требованиям по управлению общественным развитием (по Предписанию) заменилась адекватностью рыночной парадигме (см. всемирную историю «государственности» и государственного развития). Во всей истории развития государств (как комплексов управления обществом, его развитием) надо видеть важнейшие процессы государственного воспроизводства и неадекватность их объективно требуемому росту функциональных характеристик государства, соответственно количественному и структурно-функциональному росту всего общества, росту его сложности, сложности задач развития. Это хорошо видно и в российской истории, в истории СССР (особенно в период 80-х – 90-х годов) и в новейшей истории, в воспроизводстве высших государственных органов на Западе. Эта тема требует, конечно, отдельного исследования.

Здесь остается лишь сказать, что эволюционно предписанная модель сверхорганизма, обладающего адекватным (для существования и успешного развития в окружающем мире) сверхразумом видится (с системных позиций) научно продуктивной и общественно целесообразной.

Таким образом, надо изучать историю всемирного общественного развития системно и посредством «системной оптики» увидеть, наконец, общественный эффект от снятия отрицательного действия рыночной парадигмы и приближения обеспечения жизни граждан к эволюционному Предписанию в невиданном ранее прогрессе жизнедеятельного развития СССР. На основе кратко раскрытой выше и в первой книге системной сущности коммуитаризма и реального социализма в СССР, – как начального социально системного коммуитаризма, можно видеть, что Советский Союз народов был, в сущности, «*системно организованным Союзом коммуитарных социалистических республик*».

К сожалению, исторически наследованная в тот период неадекватность «государства» эволюционному Предписанию, хотя и существенно сократилась, – относительно «царского самодержавия», но не была раскрыта в главном, что и обусловило распад СССР [39; 74]. Теперь весь исторический опыт надо изучать и осознавать, осваивать положительные его результаты, именно посредством системных исследований, в том числе и особенно, в плане коллективного, творческого и нормативного, «служебного» коммуитаризма, – этого требует уже характер современных объективных требований к могуществу России (РФ) и её Союзов. При этом приоритетным видится решение задач совершенствования государственного комплекса адекватно сверхзадаче парадигмального совершенствования всего общества. Оно требует, несомненно, соответствующей мобилизации и организации научно-политической работы возможных интеллектуальных сообществ (ассоциаций), поскольку в существующих сообществах действует традиционный политический конформизм, а какие-либо концептуальные предложе-

ния (проекты) от инициативных ученых (сообществ) будут являться, – согласно парадигмальной сверхзадаче, «надгосударственными», политически оппозиционными.

Здесь надо обратить внимание на близкое к этой теме и сверхзадаче не столь давнее инициативное предложение сообщества (клуба) философов, соответствующим государственным органам, по организации научно-философской и просветительской деятельности высокого государственного значения [142]. Однако оно, судя по публикациям (в авторском поиске), не получило должного развития. Вот аннотация указанного «Сборника материалов»:

«Материалы, приведенные в данном издании, являются результатом многолетней работы представителей профессионального философского сообщества и заинтересованной общественности, направленной на осмысление вопросов продвижения философии в публичное пространство современной России. Основным результатом данной деятельности – доклад Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию на тему „Философия в публичном пространстве современной России: институциональные аспекты“, коллективный труд российских интеллектуалов, содержащий не только концептуальные размышления на тему значимости гуманитарных наук для будущего нашей страны, роли и места философии в публичном пространстве, но и предлагающий практическое институциональное решение – создание Национального философско-просветительского центра на принципах государственно-частного партнерства. Помимо этого в издание включен текст обращения философской общественности к Президенту Российской Федерации, а также презентации и иные материалы, направленные на рассмотрение Администрации Президента Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской Федерации».

Близкие мысли о современной философской элите России, о сообществах и их консолидации (т.е. коммунитарности) высказаны ведущим философом Ю. М. Резником [105; 143] (см. и др. выпуски Вестника РФО). Все эти и другие материалы наводят на следующие мысли о высшем разуме общества, – адекватно Предписанию. По системной аналогии с великим опытом создания сложных производственных и социотехнических комплексов, корпораций основными составляющими такового Разума видятся ассоциации социально-философского, физико-математического и социально-хозяйственного (экономического) мышления ученых. Это мышление будет обеспечивать конструирование, реконструкцию и совершенствование, развитие наиболее совершенных моделей, начиная с материально-технического базиса (основы), структурно-функционального устройства и алгоритмов функционирования, информационного и прочего обеспечения. Применительно к обществу, к его регионам и в целом к таковому комплексному мышлению должно подключаться, несомненно, «государственное», то есть политическое мышление, которое, в сущности, является мышлением об управлении, контроле и регулировании, об адаптации и защите (стабилизации) в реальных социальных и социально-экономических организациях различного масштаба (в «микро», «макро» и геопространствах). «Начинания» (вспомним лидеров-реформаторов) каких-либо реконструкций, реформ и «перестроек» с политического мышления, как правило, посредством комбинирования известного и (или) копирования моделей других обществ мирового сообщества характерно для традиционного государства, которое обретая власть, устанавливает власть (того или иного характера, – по характеру самого государства) даже над социально-гуманитарным, философским и прочим *элитным мышлением* (не говоря уж о мышлении политически оппозиционного характера, – которым становится, как правило, и мышление более высокого уровня относительно государственного, традиционно устремленного к консерватизму).

Важной, сохраняющей высокую актуальность публикацией в рассмотренном плане является статья Г. Ю. Канарша «Элитаристский дискурс справедливости: теоретические истоки» [44]. Здесь, ввиду близости ее к теме системного осознания коммунитаризма видится необходимым привести краткое Введение.

Социальная справедливость, как мы уже отмечали в своих работах (Канарш, 2018abc), – не просто «больной вопрос» нашего общества, но понятие, которое в силу своей общезначимости по праву претендует на статус национальной идеи для России. Согласно выводам социологов абсолютное большинство граждан России считают, что российское общество устроено несправедливо и что важнейшей предпосылкой дальнейшего позитивного развития является достижение справедливости – не равенства, но должной пропорциональности. Таким образом, сама ситуация, сложившаяся в российском обществе, предопределяет то обстоятельство, что основное внимание исследователей должно быть направлено на возможность достижения большей социальной справедливости (и анализу соответствующих теоретических подходов).

В частности, ключевой представляется проблема социального государства, которое, по мнению авторитетных исследователей, до сих пор находится в России в стадии своего становления (см., напр.: Беляева, 2018; Касавина, 2018; Лапин, 2018ab).

Однако, признавая факт несправедливости российского общества с этих – эгалитарных – позиций (и такой постановке проблемы соответствует невыстроенность социального государства), мы хотели бы обратить внимание на другую, прямо противоположную, сторону данной проблемы и поговорить не об эгалитарном, но элитарном принципе социальной справедливости. Под элитарным принципом, в отличие от эгалитарного, мы понимаем акцент не на равенстве распределения, но на построении справедливой общественной иерархии. Дело в том, что нам представляется равно проблематичным тот факт, что в России отсутствует как справедливость в ее эгалитарной версии, так и в версии элитарной – меритократической. По верному замечанию одного из современных авторов, российские реалии «не вписываются ни в одну из базовых версий социальной справедливости»: «Иначе говоря, в России правила „правой руки“ (элитарный принцип справедливости. – Г. К.) и „левой руки“ (эгалитарный принцип. – Г. К.) полностью не работают. Чтобы они начали работать, нужны „большие проекты“, „проекты общего дела“» (Старостин, 2017: 39).

И все же почему разговор об элитарном принципе справедливости представляется не просто уместным, но и чрезвычайно важным?

Во-первых, очевидно, что элитарной версии социальной справедливости в настоящее время уделяется значительно меньше внимания, чем эгалитарной. Значительная часть работ, посвященных проблеме справедливости, вышедших в последние годы в России, так или иначе посвящена эгалитарной концепции Д. Роулза или тем дискуссиям, которые развернулись в 1970—1980-е годы вокруг данной концепции.

Во-вторых, важным обстоятельством является то, что, как мы уже отметили, элитарный принцип справедливости, по сути, представляет собой другую сторону справедливости как этико-политического концепта, поэтому в равной мере должен быть учтен как в научно-философских дискуссиях, так и в общественно-политической практике. Более того, сегодня некоторые исследователи предпочитают говорить скорее не о противоположности эгалитаризма и элитаризма, но об их взаимодополнительности и конвергенции.

В-третьих, особое внимание к элитарной версии социальной справедливости может быть обусловлено тем обстоятельством, что в России

сегодня практически нет настоящих и ответственных элит. Как показывает в своей работе социальный философ В. Г. Федотова, проблема имеет как минимум две стороны – эпистемологическую и практическую (Федотова, 2011). С эпистемологической точки зрения обращает на себя внимание то обстоятельство, что в современном российском научном дискурсе практически не представлены ценностные теории элит – в противоположность этому элита определяется просто как группа людей, имеющих политическое влияние.

С практической же точки зрения существенно то, что российские элиты оказались не готовы ответить на вызовы современности, с присущей ей глобализацией, миграционными потоками, бурным научно-техническим прогрессом и т. п. В целом же, как полагает Федотова, «политическая, бизнес- и творческая элиты слишком слабы как в отношении смысло- и целеполагания в обществе, так и в своей функциональной деятельности. Не являют они и нравственного примера. Материальный аспект занял в их формировании ведущее место» (там же: 17).

В то же время обращение к проблематике элитарного в социальной и политической жизни ставит перед исследователем достаточно масштабную задачу – рассмотреть, как формировалось представление об элитарном в политике, по крайней мере в западной философской мысли, дающей наиболее значимые образцы морально-политической рефлексии. Важно и то, как понималось элитарное в российской мысли.

В настоящей статье мы предпримем краткий, насколько это возможно, экскурс в историю политической философии, чтобы показать, как формировались элитарные идеи об элите в дискурсе социальной философии.

Данную статью Г. Ю. Канарша, как и прочие по тематике *справедливости* надо рассматривать, конечно, отдельно, но совместно с системным осознанием процессов *коммуитарного* и *ноосферного* характера [34; 36; 77; 80; 127]. Думается, установление в современном обществе этих комплексных процессов, существенно подготовленных уже научно-философски и социально-теоретически, отчасти научно-политически, – как естественных и искусственных процессов развития и совершенствования общества в целом, является объективно необходимым (по Предписанию) и, можно сказать, предельно актуальным уже, – судя по тенденциям в мировом сообществе и в развитии РФ, особенно в части падения количественных и интеллектуальных характеристик политэкономических, философских и социально-гуманитарных элит.

На Западе активно выступает в плане возвышения социально-гуманитарного образования указанная выше Марта Нуссбаум [84]. Великий опыт общественного развития показывает, что необходимо, конечно, всестороннее общее образование, и в то же время соответствующее целевому древу общества высокое профессиональное развитие человеческих ресурсов, то есть определенное регулирование профессиональной ориентации молодых поколений.

Вместо дальнейшего рассмотрения актуальных вопросов «*справедливости и коммуитаризма*» видится целесообразным (в рамках статьи) предложить читателям ознакомление с уже многочисленными основными публикациями в этом плане, в том числе с предыдущими публикациями и недавно изданной книгой автора (кн. 1). А в качестве краткого пояснения и подкрепления некоторых, приведенных выше выводов надо предложить результаты этнографических исследований АН СССР, представленных тремя коллективными монографиями, и привести соответствующие фрагменты 3-ей монографии, посвященной исследованиям по образованию классового общества [20, 4]. В ней раскрываются и анализируются следующие темы и процессы:

Глава первая. Производственные предпосылки разложения первобытного общества.

Глава вторая. Возникновение частной собственности, классов и государства.

Глава третья. Механизмы социализации.

Глава четвертая. Демографическая и этническая ситуация.

Глава пятая. Эволюция общественного сознания.

Глава шестая. Первобытность и классовые общества.

Во 2-ой главе констатируется:

«Появление производящего хозяйства имело важнейшие последствия для всех без исключения областей жизни человеческого общества. Собственно именно эти последствия и позволяют рассматривать переход от присваивающего хозяйства к производящему как один из главных поворотных пунктов истории человечества. Они касались и материально-технической стороны общественного производства, и его социальных аспектов, прежде всего отношений собственности как всей целостности производственных отношений, и, наконец, социальной структуры в целом, вызвав такую ее перестройку, результатом которой стало складывание принципиально нового типа общества – классового общества и принципиально иной в сравнении с ранее существовавшей системы власти в обществе – политической власти, нашедшей свое выражение и оформление в государстве.

В области общественного производства главными из таких последствий были разделение труда, его индивидуализация и возникновение частной собственности. В основе этих процессов лежало повышение общественной производительности труда, что привело к появлению регулярного избыточного продукта, который в новых условиях превращался в прибавочный (правда, не все исследователи согласны с необходимостью различать эти виды продукта, превышающего необходимый). Частная же собственность сделалась экономической основой всех последующих коренных изменений в структуре общества и их необходимым условием. Она решительно изменила характер и собственно материального производства, и распределения произведенного продукта, включая его обращение и его потребление. В частности, только рождение частной собственности сделало возможным тот переход приоритета в сфере распределения к перераспределению общественного продукта, чему такое внимание уделяется в западной экономической антропологии (хотя сам этот переход был весьма существенной, но все же вторичной предпосылкой трансформации всего комплекса социально-экономических отношений человеческого общества).

В области производственных отношений такие изменения в общественном производстве в целом создали возможность для формирования совершенно нового типа общественных отношений – отношений эксплуатации и неразрывно с ними связанных отношений господства и подчинения, выливавшихся в зависимость одних индивидов или групп от других. Закрепление различного положения тех или иных общественных групп в общественном производстве в силу изменения отношений собственности прокладывало путь к образованию классов, т. е., по определению В. И. Ленина, групп людей, «из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Далее говорится о формировании государственной власти и частной собственности, важнейших структурно-функциональных детерминирующих факторов общественного развития:

«Возникновение частной собственности»

Как уже было показано в предшествующей главе, возрастание материально-технических возможностей общественного производства при переходе его на стадию производящего или высокоспециализированного присваивающего хозяйства обеспечивало значительный рост массы совокупного общественного продукта, а это открывало путь для появления регулярного избыточного продукта. Тем самым, с одной стороны, становилось возможным накопление

материальных ценностей в таких масштабах, которые делали это накопление принципиально отличающимся от того, что позволяла экономика общества с присваивающим хозяйством; они отличались и в количественном отношении, и по их социальному использованию. С другой же стороны, неуклонно возраставшая, пусть даже и очень медленно, общественная производительность труда имела неминуемым следствием все большую индивидуализацию труда. А отсюда следовала и объективная возможность парцелярного присвоения произведенного продукта, включая и избыточный, т. е. возможность обособления собственности производителя на этот продукт от общей собственности всего коллектива, которая была характерна для развитого первобытного общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.